

юриспруденции в поздней Византии, основанное на отсутствии крупных государственных кодификаций, на эпизодичности нормативных распоряжений в сфере гражданского {600} и канонического права и молчании источников, о налаженной системе юридического образования. Более внимательное рассмотрение вопроса не позволило согласиться с этим мнением. Именно от XIV—XV вв. сохранилось особенно много рукописей сборников юридического содержания. Судебные решения светского и церковного суда свидетельствуют о хорошем знании законов и умении их применять. Имело место и правотворчество в области наследственного, семейного и брачного права; новые нормы возникали и в сфере канонического права. Об активности в судебно-правовой практике говорит также попытка реформы суда в конце XIII в. при Андронике II и учреждение нового судебного института Андроником III в 1329 г. — так называемых вселенских судей, высшей судебной инстанции: четверо судей из светских и духовных лиц наделялись правом творить суд над любым подданным в пределах империи вплоть до августейших особ. С одной стороны, это была уступка недовольным ходом дел слоям общества, свидетельствующая о стремлении правительства усилить гарантии социальной справедливости, а с другой — косвенное признание бессилия своей власти: светский повелитель стал больше нуждаться в поддержке церкви, расширяя сферу ее судебной компетенции.

Таким образом, более верно было бы говорить не об упадке правовой науки в поздней Византии, а о новом этапе ее развития: время грандиозных кодификаций миновало, пришло время систематизации права, диктуемой необходимостью облегчить использование законов в судебной практике.

Распространенным в науке было также мнение о творческом бессилии поздневизантийской дипломатии. Действительно, традиционные методы и приемы вырабатывались и оттачивались веками и весь их арсенал находил непосредственное применение и в XIII—XV вв. Однако в течение этой эпохи нагрузка на дипломатию как средство достижения внешнеполитических целей постепенно возрастала. В связи с этим получили дальнейшее развитие уже опробованные приемы и возникали принципиально новые. Так, гораздо более широкой и систематической стала практика урегулирования внешнеполитических проблем с помощью династических браков, на пути к которым дипломатам принадлежала первенствующая роль. Участились случаи заключения тайных договоров. Занятия дипломатией как профессией и знание языков снова, как в эпоху Юстиниана, становились само собой разумеющимися качествами византийских послов. Отражением общей тенденции к повышению роли церкви в политической жизни было становившееся ординарным привлечение к дипломатическим миссиям духовных лиц, а зачастую и подмена светской дипломатии церковной. Чаще и с большим успехом византийская дипломатия в борьбе за некогда принадлежавшие империи земли стала апеллировать к этническим чувствам и культурным традициям греческого населения, оказавшегося под властью соседних государств.

Тяжелое внешнеполитическое положение империи, все чаще возникавшая угроза самому ее выживанию обусловили все более частое в дипломатической практике следование принципу «цель оправдывает средства». Впервые в расчете на военную помощь император «божественной империи» Иоанн VI Кантакузин выдал замуж за турецкого султана-мусульманина собственную дочь, впервые в политической практике Византии {601} ее василевсы стали выступать в роли дипломатов — посланников собственной державы, совершая турне по западноевропейским столицам.

Дипломатия империи в первой половине XV в. была предельно активна и изворотлива. Ей удалось на какое-то время продлить агонию империи, но ситуация сложилась так, что решало дело уже не дипломатическое искусство, а соотношение материальных и людских ресурсов и воинских сил.

Как уже упоминалось выше, в поздней Византии утверждалась новая концепция умственного труда как самого высокого счастья — благородного наслаждения знанием. Расцвет науки традиционно связывался с овладением культурным наследием античности во всей его полноте. Авторитет античной науки оставался по-прежнему непререкаемым. Цели ее постижения и систематизации, а также истолкования (с помощью особой дисциплины — герменевтики) преследовались и в кругу западных гуманистов ренессансной эпохи в очевидной связи с деятельностью византийских, сохранивших и передававших на Запад сокровища античного знания.

Византийские интеллектуалы этого времени были энциклопедистами в гораздо большей степени, чем ранее. Преимущественное внимание уделялось математике, астрономии, фи-